

18+

Александр Шавкунов

Такая разная жизнь

Александр Шавкунов

Такая разная жизнь

«Издательские решения»

Шавкунов А. М.

Такая разная жизнь / А. М. Шавкунов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594778-9

Один из первых читателей рукописи «Такая разная жизнь» определил ее как захватывающую сагу о жизни уральских гангстеров в прошлом веке. Ничего себе подобного я, как автор, не планировал. Просто написал историю о молодом человеке, который выбирал свой жизненный путь в эпоху перемен — революции, гражданской войны, НЭПа в России начала двадцатого столетия. Надеюсь, что получилось не скучно. Решать тем, кто отправится со мной в это, полное приключений, путешествие.

ISBN 978-5-00-594778-9

© Шавкунов А. М.
© Издательские решения

Содержание

Такая разная жизнь	6
Знакомство с Максимом	9
Налет	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Такая разная жизнь

Александр Макарович Шавкунов

Корректор Валентина Корионова

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Александр Макарович Шавкунов, 2024

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-4778-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Такая разная жизнь (О моих земляках)

Свершилось! Революция, Гражданская война. Белые, красные, белочехи, колчаковцы – перевидали всяких за эти годы, какого только лиха не пришлось хлебнуть. Но стала утверждаться новая власть под руководством большевиков, начала потихоньку налаживаться жизнь и в Зауралье. В селе Макарьевском Шадринского уезда жил многодетный крестьянин – Павел Иванович Шухов. Сам, да жена Лизавета, да деток пятеро по лавкам, ждут шестого. Трудолюбивый, прижимистый, себе на уме, имел хороший дом, приличное подворье, репутацию крепкого хозяина. Но трудно ему жилось и при царе, и при советской власти, хотя новую власть Павел поддержал сразу и безоговорочно, обещали дать землю крестьянам, как тут не поверить. Возглавил по решению схода местный комитет бедноты, но крепких крестьян, объявленных позднее кулаками-мироедами, притеснять не позволял, по мере сил отводил от них беды и напасти. Сложнее было со священником Никандром, ровесником и другом детства, – строго взялись за церковь и священнослужителей Советы, спасал, и не раз, его от ареста, за что и сам неоднократно имел дело с ГПУ, да повезло с районным руководством этого грозного ведомства, не посадили. Продразверстка, политика военного коммунизма, послабление в виде нэпа – успевай поворачиваться. Тут сельчане избрали Павла Ивановича председателем сельского совета, потом писал в анкетах, что устанавливал и укреплял советскую власть в Зауралье. Когда объявили коллективизацию, стал первым председателем колхоза в Шадринском уезде. Дети подрастали, вот уже старшему сыну Яшке двадцать два годочка. Женился, привел в дом красавицу, которая ждала первенца, оставил ее на попечение родителей да подался на заработки в далекие края.

Ясным, солнечным летним днем по проселочной дороге шел симпатичный мужчина лет двадцати четырех. Шел налегке, в чистой, но неновой белой рубашке, черных фланелевых брюках, только обувь была фирменной, очень дорогой и ухоженной. Молодой человек стремительно протягивал руки вверх, жадно вглядывался в голубое, безоблачное небо, с душевным трепетом осматривал березовую рощу и заросли малины, лощины и овраги, пригорки и тропинки, останавливался, замирал; затем вдруг начинал весело пританцовывать, пускался бежать – всем своим видом выражая радость от встречи с родными местами, где прошло его детство. Вот за тем перелеском будут их сенокосные угодья, а там и родное село, родительский дом, в котором его ждут и родители, и братья, и сестры, и, конечно, жена Соня с маленьким сыном. Почти три года не был Яков, так звали молодого мужчину, в родных краях. Чувства переполняли его, и тяготы пребывания в тюрьме уходили на второй план, а организм впитывал в себя простор и безбрежность. Воля! Воля-волюшка! Такая желанная, такая долгожданная, открывала перед ним новые горизонты. Хотелось взлететь над землей и парить над ней, не зря же удостоился приставки к своему имени и в определенных кругах его только так и звали – Яшка Ястреб. Дорога сделала поворот, и впереди открылись большие поляны со свежескошенной травой. Время сенокоса – страдная пора. Думая об этом и вдыхая дурманящий запах разнотравья, он поспешил к временке, в которой отдыхали, обедали или пережидали летний дождь во время косьбы старшие Шуховы. У входа валялись портки отца, и сам глава семьи, сверкая голым задом, справно делал мужскую работу, приговаривая: «Хорошо! Еще, еще! Ой, хорошо! Ой, Соня!» Женщина то ли почувствовала, то ли увидела постороннего человека – громко вскрикнула, постаралась оттолкнуть нависавшего над ней партнера, а узнав мужа, безвольно опустила руки и зарыдала. Яшку Ястреба накрыло черным покрывалом. Он не помнил, как выбросил отца из временки и бил его смертным боем. Павел не сопротивлялся, а только повторял и повторял: «Сын. Прости меня. Прости...» Придя в себя, Яков отпустил

избитого отца, не глядя на Соню, велел ей идти в село и немедленно собираться в дорогу – оставаться в родительском доме после случившегося было выше сил человеческих. Привел себя в порядок, выкурил несколько папирос, пребывая в мрачной задумчивости, и, тяжело ступая, медленно пошел в Макарьевку. Зашел домой, поздоровался со всеми, обнял мать, взял на руки сына и навсегда покинул малую родину.

Всю дорогу до небольшого города Далматово шли молча, один малыш лишь безмятежно спал в крепких отцовских руках. А Яков вспоминал свою жизнь, которая калейдоскопом проходила в его сознании. Босоное детство, реальное училище в Шадринске, Кунгур и Пермь, в которых навестил родственников в поисках работы, а затем прибил к бригаде лесорубов, мужиков крепких, работающих, татар по национальности, да в ком на Урале нет примеси татарской крови, чай триста лет были под монголо-татарским владычеством. Паренек пришелся ко двору, в коллективе народ был малограмотным, а Яша со своим образованием был определен в учетчики. Завел амбарные книги, куда заносил объемы заготовленной древесины, сортность, которую определял вместе с приемщиками лесопромышленников, расчеты с покупателями. И что сорванец удумал – государственную мерную сажень (2,16 м) держал для покупателей, а сажень для замера артельных выработок изготовил на 15 сантиметров больше стандартного, и каждый шестой куб древесины был его собственностью, да плюс прибыль на сортности, в общем, обувал взрослых дяденек не по-детски. Работа была прервана Февральской революцией, Яша получил свою долю и отправился в Шадринск, да забыл по молодости и на радостях выбросить самодельную сажень. Афера вскрылась, но не нашли обиженные мужики проныру, а то бы несдобровать, ведь в итоге он один наварил денег столько же, как заработала вся бригада, вместе взятая. Сбережения позволили снять комнату, и хлопец стал присматриваться к уездному городу. А посмотреть было на что.

Шадринск был типичным купеческим городком, с нравами, присущими этому купеческому укладу по всей России, правда с добавкой сибирского размаха и раскольничьего колорита. Юный Яшка приоделся по моде того времени: брюки клеш, куртка, похожая на морской бушлат, шапка-финка. Все путем. Часто бывал на железнодорожном вокзале, рынке, слушал молодого прапорщика на стихийных митингах в Городском саду, призывавшего к победе мирового пролетариата; посещал и кинематограф, и местный театр входил в сферу его интересов, где ставились «Баядерка» и «Сильва», сидел часами в трактирах за кружкой чая с баранками, примелькался в бильярдных, появлялся и в катранах – имел страсть к карточным играм, иногда выигрывал, чаще проигрывал, но по маленьким ставкам, а больше всего наблюдал, как работают карманники разных мастей, жульничают каталы, строят свои схемы аферисты. Попутно отмечал богатых купцов, узнавал, кто чем занимается и где живет, не ради праздного любопытства, а по-серьезному – определялся, какому промыслу отдать предпочтение. Общественный Пономарева банк и Сибирский банк посещал на правах вкладчика, раскланивался с солидными клиентами, многих из них встречал и в Общественном клубе, называвшемся для помпезности «Дворянским собранием».

Собирал информацию обстоятельно и деловито. Криминал манил своей воровской романтикой, легкими деньгами и красивой жизнью; выбор был сделан. Яше понравился один парнишка, практически его ровесник, который был карманником, но работал с каким-то артистизмом и изяществом, что жертвы не замечали потерь, а если обнаруживали, то виновник был уже далеко и вне подозрений. Молодой человек с очень короткой стрижкой русых, чуть выющихся волос, с голубыми глазами привлекал и своим внешним видом. В классной обуви, строгом костюме, студенческой фуражке, паренек вполне соответствовал представителю передовой учащейся молодежи или выходцу из обеспеченной семьи состоятельного фабриканта. Он совсем не походил на своих товарищей по цеху карманной тяги; они фрондировали и щеголяли в длинных пиджаках – лепехах, из-под которых отглаженные брюки – «шкары» опускались с легким напуском в начищенные до идеального блеска сапоги – «прохаря», сжатые в гар-

мошку особым образом – третями. Дополнялось это сорочками в модную клетку и белыми шарфиками. По прикиду и Яшу легко можно было принять за своего.

Знакомство с Максимом

Он подошел в закусочной к вору, познакомились без особых церемоний, Яков угостил Максима красным вином, а затем начался неторопливый разговор.

– В славном городе Шадринске после некоторого перерыва из-за решения финансовых проблем проживаю не так давно. И город нравится, и люди весьма интересные. Вот взять хотя бы тебя, Максим. Вид у тебя очень положительный, и работаешь замечательно, но в таком сложном деле – и всегда один. Странно это, – задумчиво посмотрев на собеседника, произнес Яша.

– А ты, значит, меня за работой видел? И чего? Побежишь в участок? Ну-ну. Какие доказательства предъявишь?

– Да ты чего напрягся, парень? Никуда я не побегу и стучать не приучен. Идея есть – хочу поделиться, – примирительным тоном сказал Яша.

– Если так – давай двигай свою идею. Только знай: и мы не лыком шиты. Давно тебя приметил: и в банке, и в театре, и в других местах. Шадринск – город небольшой, все на виду. Одного понять не могу – чьих ты будешь? В катранах зависаешь, сам видел, но больше смотришь, слушаешь, а не пытаешься куш сорвать, хотя на жигана вродеходишь. То, что с головой дружишь, – видно. Полагаю, ты – из фартовых, но молод слишком. И что имеешь предложить?

– Изложу по порядку. Местные щипачи и люди посерьезнее с тобой весьма уважительно общаются – свой ты им. Это и ежу понятно. Мне в городе надо начинать с нуля. Думаю, мы подходим друг другу. Хочу усовершенствовать схему отъема денег у граждан на фундаментальной основе. Собрал приличное досье на состоятельных горожан – многих из них знаю в лицо, как и то, где они живут, где бывают и как проводят свободное время. Нужно сконцентрировать внимание на богатых клиентах, не тратя время на мелочевку. Фишка в том, что я навожу на нужного «пассажира», выступаю отвлекающим внимание клиента субъектом, создающим самые разные ситуации, а ты, Максим, в это время работаешь по специальности, прибыль делим по-братски.

– Предложение заманчивое. Есть подготовленный вариант?

– А то!

– С интересом послушаю.

– Максим, ты же знаешь ткацкую фабрику братьев Битовых? Каждый месяц пятого числа они выдают зарплату рабочим, рассчитываются с поставщиками. Накануне, четвертого числа, в 14:00 один из братьев приезжает в банк и получает наличные. Ему выданную сумму заворачивают в подарочную упаковку торгового дома Гадюковых, он кладет деньги в саквояж и едет на извозчике домой. Там помещает саквояж, скорее всего, в домашний сейф, а утром едет в контору, где кассиры принимают деньги в присутствии владельцев и приступают к выдаче по расходным ведомостям. Наша задача состоит в следующем: я готовлю точно такой же баул с резаной бумагой в красивой упаковке, на улице возле банка привлекаю внимание прохожих, включая Битова, к себе. Как только он сядет в пролетку, по-любому на несколько секунд отвлечется и выпустит саквояж из рук. У тебя будет максимум одна минута сделать подмену и с деньгами уйти с места событий.

– А где мы найдем похожий сидор?

– Он у меня уже есть. Купил через заезжего гастролера в том же магазине, что и братья Битовы. Тут такая штука. Один из братьев будет грешить на второго. Тот, в свою очередь, будет думать о том, что подмену сделали в банке. Полиция ухватится за обе версии. До нас докопаться у них шансов нет. Все достаточно просто, как видишь.

– Толково! Где наша не пропадала! Давай, Яша, попробуем!

Выпили за знакомство и новое начинание.

В назначенный день и час из банка вышел старший из Битовых с саквояжем в руке и направился к ожидающей его пролетке. Внимание фабриканта привлек шум. Стоящий на тротуаре на другой стороне улицы молодой человек на высоких тонах препирался с извозчиком. Усевшись в пролетку, Битов автоматически ответил на почтительный поклон и приветствие молодого юноши, скорее всего студента. Приподнял свою шляпу, поздоровался и спросил:

– Могу ли вам чем-нибудь помочь?

– Покорнейше прошу простить! Хотел на извозчике доехать до вокзала, не знал, что он арендован. Разумеется, сейчас найду другого, всего вам доброго!

– И вам.

Стороны вновь галантно раскланялись. Пролетка тронулась и скоро скрылась за поворотом. Незначительный, рядовой эпизод не привлек особого внимания, а на случайного прохожего с плащом, перекинутым через левую руку, не отвлекся ни один из свидетелей произошедшего, мало ли кто спешит по своим делам.

В условленном месте подельники встретились и поделили добычу. Максим восторженно смотрел на Яшку, на гору купюр, которые мог при удачном раскладе стащить у ротозеев за полгода опасного промысла, и повторял:

– Яша! Ты – голова! Ты – фартовый! Будем, будем вместе работать.

– Вот хоть убей, Макс, но не понимаю – как тебе удалось подменить саквояж. Держал всю ситуацию под контролем, а ты ведь даже не притормозил перед пролеткой. Прошел мимо, как ветерок прошелестел. Класс! Впереди у нас большое будущее. Хочу уточнить у тебя одну деталь, только не обижайся. Как хочешь поступить со своей долей?

– Да уж найду применение, будь уверен, благо есть что тратить!

– Все так, но хочу предупредить. Многие погорели на том, что привлекли внимание полиции и бдительных граждан своими крупными покупками и красивой жизнью, а уж про наших корешей и не говорю, сразу просекут поляну. И еще. Часть денег в банковских упаковках новехонькими банкнотами, их вообще пока нельзя светить в Шадринске, по номерам найдут такого красавца – как с добрым утром.

– Так я же в общак отдаю долю. Хотя ты прав, что знают трое – знает и свинья. Лишний раз убеждаюсь, что повезло мне с напарником, готов обдумать ситуацию, а потом обсудим.

Начались суровые будни наших героев.

Погожим майским вечером Яша сидел на скамейке возле железнодорожного вокзала и привычно наблюдал за текущей уездной жизнью. Наметанный взгляд сразу увидел, как группа вооруженных полицейских окружает вокзал, и почти сразу началась стрельба. Несколько человек бросились врассыпную из привокзального буфета, некоторые отстреливались, сдерживая ретивых полицейских. На скамейку рядом с Яковым с шумом опустился пожилой мужчина лет сорока со словами «Не могу бежать – ногу подвернул». Мальчишка сразу узнал гражданина в сером, неброском костюме. Максим недавно на рынке показал на этого уставшего, совсем неприметного мужчину и сказал:

– Один из самых крутых карманников – марвихер. Знакомый моего отца, таких на Урале раз-два и обчелся, а сейчас он в фаворе.

Яшка не раздумывая обратился к коллеге по цеху:

– Я из Макарьевки. Яша Шухов. Мать – Лизавета Ивановна, а батя – Павел Иванович. Привезли вы, Тимофей Иванович, племянника за 50 верст в больницу, животом я маюсь.

Удивляться услышанному у мужчины времени не было – подбежавшие полицейские, разгоряченные погоней, начали спрашивать:

– Кто такие? Что здесь делаете? Документы предъявите.

Яшка достал свои бумаги и подал старшему из служителей закона, который их быстро прочел и перевел взгляд на Тимофея Ивановича, который также приготовил свою ксиву, повторил вопросы.

– Так вот такое дело... Сестрино сына привез из Макарьевки в больницу. Живот его мучит, хочу врачам племянника показать.

– Что-то припозднились вы, – сказал запыхавшийся полицейский.

– Добрались как смогли, путь до Шадринска – не ближний, – ответил новоиспеченный дядя, сокрушенно покачивая головой.

– А сестру твою как звать? – глядя в Яшкины бумаги, спросил с нескрываемым подозрением во взоре неугомонный полицейский.

– Так Лизавета Ивановна, а по мужу теперь Шухова. Сам-то я из Екатеринбурга приехал, проведать родню, а тут в семье такое лихо.

Полицейский молча вернул документы и с напарником бросился догонять своих боевых товарищей. Бывалый вор, довольный таким исходом дела, внимательно осмотрел Яшку, отметил про себя быстроту реакции хлопчика, затем спросил как бы нехотя:

– Откуда меня знаешь, молодой человек?

– Я – из начинающих, стараюсь быть внимательным, а земля слухом полнится.

– Ну бывай, племяш, бог даст – свидимся, тогда и я тебе пригожусь.

На том и расстались.

Наступило лето 1917 года. Народ потянулся за город, на восточную окраину Шадринска – Городище. Красота природы покорила и дачников, и любителей грибной охоты, и рыбаков. Раскинувшийся на многие километры Городищенский бор, растущий на песчаной почве, – всегда сухой, без высокой травы, идеально подходит для пеших прогулок, а река Исеть, медленно и плавно несущая свои прозрачные воды вблизи соснового леса, призывно манит купальщиков и отдыхающих. Предприимчивые купцы понастроили дач для себя и для сдачи в аренду желающим насладиться этим райским местом. Удачливые поделщики Яков и Максим сняли на лето одну из дач и с удовольствием отдыхали после очередных «трудовых будней». Купались, загорали, обсуждали политику, строили планы на будущее. В выходные дни местность наполнялась веселыми и радостными группами отдыхающих. Центром самой шумной компании был молодой прапорщик Андрей Жданов со своим товарищем по воинской службе. Шутки, смех, остроумные выходки, пение хором песен, таких как «Коробушка», «Замучен тяжелой неволей», «Варшавянка», слушали все отдыхающие. Особенно нравилось Яшке исполнение Ждановым песни «Вечерний звон». Молодой офицер с незаурядными вокальными данными, с окрашенными особыми тонами тенором соло пел эту прекрасную песню, а хор подражал колоколу, и знаменитое «Бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом, бом» своим благолепием наполняло всю округу. Каково было удивление наших героев, когда в соседнем домике поселились двое военных, в одном из них Яков узнал агитатора – большевика Андрея. По вечерам из дачного домика офицеров доносились звуки музыкального инструмента, и потрясающе красивый голос прапорщика теперь можно было слушать каждый вечер. Но профессия вопиет: и вот Яша и Максим, воспользовавшись отсутствием господ офицеров, посетили соседей, но улов был ниже ожиданий – новая гармонь, немного наличных денег и... И все. Не судьба! Обнаружив, что подверглись краже, brave военные незамедлительно съехали. Так и жили друзья-поделщики.

Яшка однажды завел с Максимом душевную беседу о конкретных планах на будущее, о чем мечтает и чего хочет его товарищ. Ответ Максима одновременно удивил и порадовал.

– Хочу я, Яша, подтянуть свои знания, ведь у меня только пять классов гимназии. Чтобы было, о чем с тобой поговорить, а то придется чужим умом до старости пользоваться. Если по серьезке, то и отец велел, коли надумаю отойти когда-нибудь от нынешних дел, получить профессию, которая и интересной мне будет, и прокормит. Не определился пока с этим вопросом, может, ты чего посоветуешь?

– Ай да Максимка, ай да молодец! Мысли твои правильные, учиться надо, ставить большую цель и топать до нее, пока не достигнешь. Непременно посоветую, но всему свое время. Вернемся к этому разговору – обещаю.

Но грянула Октябрьская революция. В Питере мало кому знакомые большевики скинули бессильное Временное правительство, мобилизованные солдаты в разных военных формированиях Урала решили, что пора разъезжаться по домам. А к осени 1917 года в Шадринске на винокуренном заводе Поклевского-Козел скопились значительные запасы спирта, предназначенные для отправки на военные предприятия и нереализованные запасы водки из-за сухого закона во время Первой мировой войны. 13 ноября 1917 года толпа, состоящая из деклассированных элементов, дезертиров, разложившихся солдат местного гарнизона и крестьян окрестных деревень, разгромила винные склады. Солдаты тащили водку ящиками. Обстановку усугубил побег из тюрьмы полусотни местных уголовников. Город, по сути, оказался в руках неорганизованной, пьяной и вооруженной толпы. Как писал очевидец, «после этого весь город был подвергнут пьянству почти полтора месяца...». Яков с Максимом подсуетились в первых рядах погромщиков, возвращаясь к винокуренному заводу за очередной партией спиртного, встретили знакомого прапорщика с группой вооруженных людей. На вопрос, готовы ли помочь в прекращении погрома, ответили товарищам, что да, готовы. Им поручили добыть подводы с целью вывезти часть водочной продукции со складов предприятия и уничтожить. Пока Яша с напарником организовали три подводы и приехали на завод – погромщики были оттеснены и спирт сливался прямо в речку. Да вот незадача – снег напился спиртом, да и с водой спирт в прорубях практически не смешивался, поднимался над водой. Местное население бросилось набирать воду из речки, многие жадно впихивали в себя снежные комья, пропитанные спиртом. Веселье было шумным, буйным и опасным. Максим с Яковым загрузили подводы, прикрыли спиртное рогожей и выполнили партийное поручение в течение дня так, что впору было открывать свою винную лавку.

В январе 1918 года вся власть в Шадринске перешла в руки Советов, к тому времени уже бывший прапорщик товарищ Андрей стал одной из ключевых фигур новой уездной власти, так что, не скради Яков гармонь у большевика, а подружись с агитатором – Андреем Александровичем Ждановым, – была бы совсем другая история. Да не он один попал впросак. В июле 1917 года недавно прибывшего из Мариуполя для дальнейшего прохождения службы в запасной 139 стрелковый полк, расквартированный в городе Шадринске, двадцатилетнего прапорщика исключили из офицерского собрания с формулировкой «за унижение чести русского офицерства», выразившееся в слишком дружеских отношениях с рядовыми и симпатиях к большевикам. Кто же мог предположить, что со временем Жданова ждет такой поворот в судьбе: он будет работать под началом самого И. В. Сталина, дружить с вождем, проводить время в его доме и станет любимцем его детей. Именно А. А. Жданова после смерти С. М. Кирова направят возглавить партийную организацию Ленинграда, где ему предстоит вынести вместе с жителями 900-дневную осаду города на Неве. За свой вклад в героическую оборону Ленинграда Жданов получит воинское звание генерал-полковника, и маршалы сильнейшей армии мира при встрече будут первыми отдавать ему честь.

Жизнь вывернула очередной фортель.

Находясь холодным январским вечером в трактире после трудового дня и намечая очередную жертву, приятели срисовали бравого матроса с броненосного крейсера «Громобой». Крепкий, кряжистый, среднего роста, но с могучим торсом атлета мужчина привлекал и тельняшкой, и клешами, подпоясанными ремнем с пряжкой, на которой красовался морской краб, и простуженно-прокуранным басом, и напором, точнее нахрапистостью, с которой общался с окружающими. Улучив момент, друзья присели к моряку, угостили товарища, разговорились. Михаил Харитонович Иванов – уроженец Шадринского уезда, земляк одним словом, член знаменитого Центробалта (Центральный комитет Балтийского флота), прибыл с мандатом народ-

ного комиссара по морским делам в Шадринск для организации поставок продовольствия Балтфлоту. Яша сразу просек – какой фарт привалил им с Максимом; задружились с матросом, стали корешами. Каждый вечер угощали нового друга, восторгались рассказами морского волка о революции, о том, как его братишки жажнули по Зимнему дворцу, да и сам он много чего сделал для свержения самодержавия, абы кого в комитет Центробалта не взяли бы, а он вот такой молодец. В один из вечеров, изрядно разогревшись дармовой водочкой и самодовольно оглядывая новых приятелей, Иванов поведал, что близкие друзья зовут его ласково-уменьшительно от имени-отчества – Миха, и разрешил Якову и Максиму именовать себя по-простому, без церемоний. Они водили Миху по значным местам, а тот даже в притонах хвастал при случае документом, удостоверяющим, что он назначен комиссаром Административного управления города Шадринска с неограниченными полномочиями. В разгар очередного ночного веселья молодые люди со скорбью сообщили матросу о том, что деньги у них на исходе, Миха опечалился по поводу такого известия. А Яков и Максим сокрушались, что жизнь так несправедлива. Что Яша из крестьянской бедноты безлошадной, а Максим и вовсе сирота круглый, а были бы из купеческого сословия – вот бы погуляли! Торговые дела при любой власти в прибыли, чем народу хуже, тем купцам лучше, будь их воля, поприжали бы эксплуататоров. Иванов повелся, раскрутили его на раз-два.

– Знаете кого из местных буржуев? – спросил насупившийся Миха.

– А как же. Вот, например, богатеи – Густомесов и Шахматов. Вполне подходящие для начала, – произнес Максим.

– Да нет! У них и сбережений почти не осталось. Все деньги несколько лет назад отдали на фарфоровый иконостас в церкви Флора и Лавра. И неправильно с этих начинать! А лучше навестить Гадюкова, у него торговый дом каменный, двухэтажный, с большими складами на Торговой улице, мельница на реке Исети и еще магазин на два этажа по соседству, – сказал Яша.

– Согласен с Яшкой. Давай веди – чего зря мешкать, – вымолвил хмельной матрос-балтиец.

Началась разудалая жизнь.

Налет

На настойчивый стук в дверь послышался недовольный голос:

– Чего надо?

– Сейчас объясним. Нам нужен Евлампий Гадюков. Здесь он проживает?

– Я Гадюков, а вы кто будете?

– Мы – новая власть, пришли по делу важному, давай открывай, по-хорошему прошу.

Дверь приоткрылась на длину цепочки, и, осмотрев поздних визитеров, хозяин потребовал предъявить ему документ.

– Будет тебе документ. На, читай, коли не веришь! Комиссар Административного управления города Шадринска с неограниченными полномочиями Иванов Михаил Харитонович, то есть я.

Цепочка была снята, и непрошенные гости бесцеремонно прошли в просторную гостиную. Миха по-хозяйски уселся в кресло, а молодые спутники продолжали стоять возле своего руководителя. Смурной взгляд комиссара перемещался по стенам гостиной и остановился на сильно нервничающем Евлампии.

– Хорошо живешь, даже по столичным меркам. Вон какой у тебя достаток.

– Да, не жалуюсь. Все трудом непосильным нажито.

– А мы в заботе о трудовом народе мировую революцию начали. Слыхал об этом или здесь о сем неведомо?

– Знаем и про отречение царское, и про революцию, чай в городе живем. А чем обязан визиту вашему?

– Всем! Всем обязан! Раз спрашиваешь про цель, то она проста. Такое большое дело затеяла новая власть – перестроить мировой порядок, ну и нуждается в помощи финансовой. С этим и пришли. Делиться надо с ближними своими.

– Так адресом ошиблись – нет у меня лишнего. Какие вы мне свои, тем более ближние?! Да с такими ближними и врагов не надо. Я человек конкретный. Если нет денег, то и новое дело не начинаю. У всех порядочных людей так заведено. И вам это же советую.

– Такой ответ оскорбителен, гражданин Гадюкин.

– Я не Гадюкин, фамилия моя – Гадюков!

– Какая разница?! Гадюков или Гадюкин. Ясно, что змея ты подколотная! Враг нашему делу. Короче говоря – гони деньги на революцию.

– Нету у меня денег, а были бы, ни в жисть бы не дал!

В диалог неожиданно вмешался Яков, чем откровенно удивил и хозяина дома, и «представителей власти». Он присел к обеденному столу, достал из принесенного с собой портфеля ручку, чернильницу, писчую бумагу и начал писать протокол на Гадюкова Евлампия Севостьяновича. Подозвал купца к столу, дал ознакомиться с содержанием протокола, затем утвердительно спросил:

– Подтверждаете, что в доме нет денежных средств, драгоценностей и прочих ценных вещей?

– Подтверждаю, чем хочешь поклянусь!

– Клясться не надо. Напишите вот здесь, что «с моих слов записано верно», поставьте сегодняшнюю дату и распишитесь.

Обрадованный таким исходом Гадюков быстро выполнил требуемое. Шухов обратился к Иванову и сказал, что процессуальные формальности соблюдены и они ждут указаний.

– Обиден отказ в помощи мировому пролетариату! Будем делать обыск у этого буржуя. Яков и Максим, приступайте!

– Как обыск? Почему обыск? – взвился хозяин.

– Гадюкин! Чего всполошился? Мы лишнего не возьмем, да и нет у тебя ничего, как ты сам заявил только что. Сиди на попе ровно!

Максим и Яков начали сноровисто осматривать все помещения, прикидывая места, где обычно хранят сбережения. Нашли все тайники и схроны. Обчистили Евлампия Севостьяновича прилично. Под причитания Гадюкова удалились, не прощаясь.

И пошло-поехало. Навестили успешно с той же целью крупных торговцев Юкляевских, Сафонова, Пашкевича и многих других. Врывались с незаконными обысками к заранее выбранным жертвам, комиссар предъявлял мандат, доводил хозяев до инфаркта, а юные помощники забирали деньги, золотые и серебряные вещи, затем ехали культурно отдыхать. После зубодробительной дисциплины царского флота революционная вольница и власть опьянили матроса Центробалта. Да лафа скоро кончилась. Один из подвергшихся такому обыску – Негодяев Филимон Алексеевич – написал жалобу градоначальнику, и комиссар с полномочиями Михаил Харитонович Иванов был арестован. Он кричал А. А. Жданову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.